

еще до войны успела запечатлеть общий вид этого дома.

Когда мы вехали в Шмаково, сильно пострадавшее от варварских обстрелов фашистов, у нас, признаться, не было надежды найти здесь уцелевшие глинковские мемории. Однако стоило лишь заикнуться о цели нашего приезда, как из группы шмаковских колхозников тотчас отделилась пожилая женщина. Ефросинья Игнатьевна Емельянова подвела нас к дверям бревенчатого дома, одна половина которого занята правлением колхоза, другая — отведена под колхозный клуб.

— Ежели когда видали на фото дом шмаковских Глинок, то должны узнать, несмотря на перемены.

Кое-какие перемены действительно произошли. Нет сейчас наверху маленького мезонина в одну комнату (его сняли во время войны); разрушен балкончик, украшавший не так давно фасад дома. Но сомнений быть не могло: на прежнем своем месте стоял тот самый «гостевой флигелек», который так часто навещал во время приездов в Шмаково Михаил Иванович Глинка.

Шмаковские старожилы хорошо знали последнего владельца усадьбы — Николая Ивановича Глинку, двоюродного брата композитора. В доме жива была память о великом композиторе. На почетном месте лежали ноты любимых его романсов. По вечерам в кругу знакомых шмаковские родственники исполняли эти романсы под аккомпанемент фортепиано. Каждый такой импровизированный концерт обычно заканчивался «Песней Ильинишны» из музыки к «Князю Холмскому».

— Эту веселую песню «Дунул ветер, заиграл, без невесты парень стал», — вспоминают шмаковские старожилы, — пелал здесь сам Михаил Иванович, когда приезжал из Петербурга. Так рассказывал нам покойный брат его Николай Иванович...

Пока мы обошли шмаковский парк, еще более поредевший, чем его новоспасский сосед, стало смеркаться. В правлении колхоза еще не зажигали огня. Не в чести местных организаций, в быв-

шем доме Глинок было беспорядочно и неуютно. А ведь как, казалось бы, естественно возродить и этот чудом уцелевший уголок, столь дорогой и памятный.

— Надо бы доску мемориальную в стенке дома прибить, — сказал кто-то.

— Доску что! Дому самому большое уважение надо оказать! — резонно возрадили ему.

Колхозники выразили единодушное пожелание, чтобы в этом доме была открыта сельская библиотека. И право, лучшего применения бывшему «гостевому флигелю» шмаковских Глинок нельзя, пожалуй, найти.

* * *

Ближайший к Новоспасскому центр — Ельня — едва ли не более других районов Смоленщины пострадал от фашистских захватчиков. Сейчас Ельня отстраивается быстрыми темпами.

Жители города хранят память о великом композиторе. В этом можно убедиться, посетив районный Дом культуры. Стены фойе кинозала увешаны портретами Глинки и иллюстрациями, повествующими о его жизни и творчестве.

Ельня по праву может быть причислена к памятным глинковским местам. Композитор бывал в этом городе каждый раз, когда отиравался из Новоспасского в дальние поездки. Он останавливался обычно у своей родной сестры Марии Ивановны Стунеевой.

Трудно было думать, что после всех разрушений войны уцелеет небольшой деревянный дом, где жила Мария Ивановна, а затем ее потомки. Узнать о судьбе дома мы решили в школе. Ельнинская школа — тоже «памятник». Ее здание было воздвигнуто в память о Глинке Стунеевыми, основавшими здесь мужскую гимназию имени М. И. Глинки.

— Это имя надо вернуть нашей школе, — заявили учителя.

На нашу просьбу рассказать о судьбе дома Глинок-Стунеевых живо откликнулась двое учителей — преподавательница литературы Н. Дударева, хорошо знавшая семью Стунеевых, и физик С. Добровольский. Набрав пальто, он

вышел вместе с нами на улицу Энгельса (бывшую Воскресенскую).

— Вот смотрите! В купе деревьев виднеется полуразрушенная церковь. Ее построила Людмила Ивановна Шестакова в память о своем брате. А перед церковью — небольшой деревянный домик. В нем сейчас школа колхозных счетоводов. Вот это и есть тот самый дом Стунеевых, в котором останавливался обычно Михаил Иванович, когда приезжал сюда, в Ельню.

Н. Дударева и С. Добровольский — горячие почитатели Глинки. По нашей просьбе они записали все, что знали о композиторе от его ельнинских потомков Стунеевых и Беров, и свои записки передали нам.

Тетрадь Н. Дударевой заканчивается следующими словами:

«В настоящее время в Ельне художественное и музыкальное образование молодежи отсутствует, что очень печально для города Ельни, связанного с именем великого русского композитора Глинки».

К этим словам следует прислушаться. Министерство культуры РСФСР и местные организации возрождающейся после военных невзгод Ельни обязаны принять все меры для развития музыкальной жизни в этом небольшом «глинковском городе»...

* * *

С памятью о Глинке связаны многие места Смоленщины. Известно, что Глинка часто посещал Логачево (когда навещал свою сестру Л. Шестакову), Лучесу, Беззаботы, где возникли фрагменты «Руслана и Людмилы», Руссково (именно любимой сестры Пелагеи Ивановны Соболевской). Известно, наконец, как он любил живописный ландшафт Починка (одно время даже собирался сделать его своей постоянной летней резиденцией).

В Починке благодаря заботам внучатного племянника композитора В. Д. Бера долгие годы сохранялся дом Глинки, где композитор написал многие страницы партитуры «Сусанина»; четыре глинковские комнаты в этом доме были отведены под семейный мемориальный музей. В наше время вся обстановка починковского дома передана семьей Беров

в распоряжение Смоленского музея; само здание перенесено на километр с лишком от прежнего местоположения и основательно перестроено. В нем уже около тридцати лет работает средняя Починковская школа.

Мы посетили эту школу. Учителя и ребята были взволнованы, узнав, в каком знаменитом доме они занимаются. Выдвигались самые разнообразные проскты увековечения памяти Глинки. В конце концов единство мнений было достигнуто:

— Пусть будет создана в Починке детская музыкальная школа имени Глинки. Вот достойная память о нем, а нам и нашим ребятам — лучший подарок!..

* * *

Путь к «комнате-музею» Глинки в Смоленске ведет через длинную анфиладу низких сводчатых комнат красавецкого музея, расположенного на Соборном дворе. Да и самая комната Глинки похожа на келью. В тесноте не сразу охватываешь взглядом множество предметов: старинную мебель из новоспаской усадьбы (ее принесли в дар потомки Глинки — Беры и Измайловы), маленькие клавикорды, посуду, утварь, портреты, проекты памятников Глинке, конкурировавшие накануне закладки смоленского памятника, множество фотографий, автографы.

При тусклом свете солнца, едва проникающем сквозь узкое окошко, глаз с трудом различает подлинные надписи Глинки на обложках уникальных изданий нот, выпущенных миланской фирмой Рикорди, и на других первопечатных изданиях его произведений.

И вот в такой камерке уютится единственный в стране музей Глинки, располагающий ценнейшими экспонатами! А ведь многие мемории (например, старинная мебель, рояль из новоспаской усадьбы и прочее) недвижимо покоятся в запаснике музея в ожидании дня, когда из темных кладовых хранилища они смогут появиться на свет.

Невозможно представить себе, как развернуть в этом тесном помещении новую экспозицию юбилейной выставки,

которая должна отразить жизненный путь великого композитора.

Между тем юбилейные торжества не за горами. Близость юбилея ощущается в Смоленщине по многим приметам. Готовят глинковские программы областная филармония и колхозная музыкальная самодеятельность Смоленщины. Юбилейные вечера состоятся в детской музыкальной школе.

Мы побывали и в мастерских смоленского Художественного фонда. В «живописной» комнате — во всю стену полотно: Пушкин и Жуковский слушают Глинку, сидящего за роялем. Это копия картины молодого дипломата В. Артамонова, предназначенная для фойе рославльского кинотеатра. На другой стене — картина смоленского художника П. Шматикова (масло).

Несколько лет П. Шматиков работает над циклом картин «По памятным глинковским местам». П. Шматиков запечатлел разные уголки Новоспасского в предосеннюю пору 1951 года. Теперь, накануне юбилея, художник собирается вновь посетить Новоспасское, а затем зарисовать и Шмаково, и Ельню, и Починок, и другие смоленские места, освещенные памятью о Глинке. Одну из картин П. Шматикова приобрел Смоленский музей. Он охотно приобрел бы и другие, но... для них нет места.

А неподалеку от «живописной» комнаты, в скульптурной мастерской, трудится над моделями бюста и фигуры Глинки смоленский скульптор Б. Пастернак.

— Мне хочется создать фигуру Глинки-дирижера, — сказал он. — Но изобразить Глинку не в старости, а Глинку времен «Руслана», волевого, энергичного, такого, каким, каким его чувствовали Репин и Брюллов.

Изобразительное творчество смолян, посвященное великому земляку, несомненно, пожелает экспонировать на юбилейной выставке Смоленский музей. Но где? Каким образом?

...Среди густой листвы городского сквера, на площади, именуемой иногда еще по старинке «Блонье», стоит памятник, огороженный резной решеткой. Две

стороны решетки изображают потопосец, на который нанесены отрывки из столь знакомой советским людям музыки. На памятнике четко сохранилась надпись: «Глинка — Россия». Это место — любимый уголок смолян.

А сразу же за памятником высится стройное здание с колоннами. Когда-то оно принадлежало бывшему дворянскому собранию. Нынче здесь расположился филиал медицинского института. Мемориальная доска на здании напоминает о том, как тесно связано оно с племенем Глинки. Здесь бывал он во время приездов в Смоленск. Здесь исполнялись в присутствии и при участии Глинки его произведения.

Мечта смолян — сделать это здание центром музыкальной жизни родного города. В нем должно быть сосредоточено все, что связано с памятью великого композитора: музей, школа, филармония.

...Как-то осенним вечером из раскрытых окон актового зала медицинского института раздались звуки музыки: пели и играли московские артисты, приглашенные на вечер в институт. Музыку нетрудно было узнать: то были романсы Глинки, арии из его опер, инструментальные пьесы. Эти звуки неслись навстречу памятнику, воздвигнутому русским народом их великому творцу, чье искусство бессмертно.

1) В обследовании памятных глинковских мест на Смоленщине по поручению Министерства культуры СССР участвовали, помимо автора этих строк, М. Саркисян и представители смоленских организаций — А. Калашников, И. Белогорцев, М. Розенсон.

2) Хотя после 1848 года, когда Глинкой в Варшаве была сочинена «Камаринская», композитор уже не бывал в Новоспасском, рассказанный факт мог иметь место, если учесть, что мысль о «Камаринской» зародилась у Глинки задолго до того, еще в начале сороковых годов, именно в Новоспасском (см. М. Глинка. Записки. Л., 1953, стр. 150).